СОЗДАТЕЛЬ

ТОЛЬКО ОН ЗНАЕТ ПРАВДУ

18+

ДЕНИС КАЛДАЕВ

Охотники за реальностью

Денис Калдаев

Создатель

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калдаев Д.

Создатель / Д. Калдаев — «Эксмо», 2021 — (Охотники за реальностью)

ISBN 978-5-04-118310-3

Что будет, если ты очнешься на острове посреди океана совсем один? Выживешь ли ты там, попав в толпу фанатиков? Что будет, если в далеком будущем тебя насильно соединят с коллективным разумом? Кому и зачем это нужно? Что, если чей-то эксперимент провалился? Все ответы знает только он.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118310-3

© Калдаев Д., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Эффект обезвоживания 8
I 8
II 13
III 16
IV 21
V 25
VI 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Денис Калдаев
Создатель

© Калдаев Д. С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

В аудиторию входят дети и рассаживаются по местам. Последней появляется наголо остриженная девочка. Она молча садится за парту, достает из кармана чип-матрешку, и перед ней возникает мерцающий экран.

Никто не обращает на нее внимания.

Дети обсуждают домашнее задание. Говорят они по очереди, будто участники дебатов. Девочка о чем-то сосредоточенно думает.

– Ты готова, Эс8? – спрашивает ее мальчик.

Она довольно кивает.

В этот момент в аудиторию заходит высокая женщина с темно-синей кожей.

– Начинается урок, – говорит она.

Повисает тишина.

– Включите чипы.

На своих экранах дети видят лаборанта, одетого в белоснежную форму.

– Знаменитый эксперимент Кэлха, – объявляет женщина. – Запись старая, но прекрасно отражает принципы тиражирования.

Все слушают, затаив дыхание.

– Итак, – продолжает она, – этап первый.

Дети наблюдают, как лаборант, натянув перчатки, демонстрирует квадратное стекло размером с ладонь.

– Питательная среда, – комментирует женщина.

Затем мужчина кладет стекло в инкубатор и шприц, встроенный в крышку устройства, выдавливает на середину пластинки мутную каплю.

– Колония бактерии Т.

Инкубатор закрывают. Вспыхивает таймер, и запись ускоряется. Капля, содержащая бактерии, разрастается по всей пластинке и на отметке «5 часов 6 минут» застывает, уродливо чернея.

– Вы видите время жизни колонии. Всем понятно?

Дети кивают.

– Теперь этап второй.

В инкубатор кладут десять пластинок. Фиксируя происходящее, над ними порхают миниатюрные пчелы-дроны.

– Колонии одинаковы, – подчеркивает женщина. – В начальный момент они находятся в равных условиях.

Включается таймер, и колонии бактерий медленно, будто кляксы, расплываются по стеклам и наконец умирают в случайном порядке.

– Минимальное время жизни колонии – «3 часа 17 минут», максимальное – «7 часов 49 минут».

Дети переглядываются.

– А теперь, – продолжает женщина, – этап третий. В нем и состоит суть эксперимента Кэлха.

Перед детьми появляется огромное здание-инкубатор.

– Здесь ровно миллион пластинок, – говорит женщина. Ее кожа переливается синим матовым блеском. – Какая колония выйдет победителем в этой гонке?

Эс8 смотрит, не отрывая взгляда от экрана.

От напряжения она слегка потирает лоб.

В здании-инкубаторе рой пчел-дронов кружит над рядами пластинок.

Миллион шприцов одновременно касаются стекол, щелкает таймер, и начинается удивительное соревнование.

– Минимальное время – «23 минуты», – объявляет женщина. – Максимальное – «79 часов 8 минут».

Дети аплодируют.

– Результат потрясает.

Но никто не выглядит пораженным.

Эс8 радостно хлопает в ладоши.

– Если все ясно, – говорит женщина, – приступим к проверке домашнего задания.

Девочка широко улыбается – сверкают ее прозрачные, сделанные будто из стекла зубы.

Часть первая. Эффект обезвоживания

I

Почему я здесь?

Нейт лежал на спине и медленно приходил в себя. Глаза пронзали иголочки боли, в висках и затылке разлилась неприятная тяжесть. Тело горело, суставы ломило как после многочасовой работы.

Щурясь от света, он увидел, что вокруг зеленела трава, а посреди ослепительно-голубого неба за ним наблюдало солнце.

Где я?

Мужчина со стоном приподнялся и замер в изумлении. В паре метров от него лежала худая темноволосая девочка. Она тоже заметила мужчину, угрюмого, похожего на растерянного варвара, и от испуга взвизгнула. Вскочив, она, пятясь, отползла на край поляны. Некоторое время они молча изучали друг друга.

– Кто вы? – робко спросила девочка.

Она настороженно глядела на него из-под шапки спутанных черных волос. Он нахмурился. В голове вертелись беспокойные мысли. Кто эта девочка? И почему он здесь? Он ничего не помнил – только вспыхнули и исчезли смутные воспоминания кабинета, улыбок и рукопожатий.

– Я очнулся минуту назад, – сказал он.

Откуда-то из леса едва доносилась музыка, будто далеко в чаще прятался оркестр.

– Где Клер? – спросила девочка.

В глазах ее блестели слезы.

– Какая Клер? – не понял он. – Пожалуйста, давай пока без вопросов.

Он огляделся.

Вокруг высились исполинские сосны с темно-оранжевыми стволами и темнела непроходимая чащоба из папоротников и кустарников, в которой редкими пятнами были разбросаны бело-желтые цветы. Справа вдали голубели очертания гор.

Мужчина не отводил взгляда от зарослей, щурясь, еще не привыкнув к блеску солнечного неба. Лес вокруг гудел, стрекотал, попискивал.

– Я ни в чем не виновата, – бормотала девочка. – Я шла домой… открыла какие-то двери, а дальше – темнота.

– У тебя есть что-нибудь в карманах? Может быть, телефон? Или…

– Нет, – заплакала она. – Я хочу домой.

И стала судорожно тереть руки.

– Какие же они грязные! – всхлипывала она. – Мыло… Мне нужно мыло!

Вырвав зеленый ползучий стебель, она пыталась втереть его в ладони.

– Успокойся, прошу тебя, – сказал мужчина. – Какое мыло… а эта дрянь может быть ядовитой.

Он держался за голову и покачивался вперед-назад, как маятник.

– Мне надо срочно помыться… – стенала девочка. – Я так не могу.

– Где твоя мать?

– Меня воспитывает тетка.

– Где же она?

– Я не знаю! – раздраженно ответила девочка.

Он на мгновение задумался.

– Нужно выйти из леса и найти людей.

Над ним бесшумно порхала крупная серая бабочка. Вдруг из зарослей, заглушая музыку, раздался рев, который вполне мог принадлежать крупному зверю.

Девочка испуганно завертела головой.

– Надо идти, – повторил мужчина.

Он подошел к ней и, помогая подняться, сказал:

– Нейт.

– Я не понимаю вас, – она высвободила руку. – Как же здесь грязно… Мне нужно воды. И мыла.

– Нейт, меня зовут Нейт, – нетерпеливо повторил он. – Что тут непонятного.

– Сифинь, – прошептала она. – Я – Сифинь.

Они оба были одеты в черные хлопковые штаны и белые майки. Нейт сорвал с куста несколько огромных мясистых листьев, оставил себе один, а остальные протянул девочке.

– Оберни голову, – он указал на небо. – Солнце печет.

Она завернулась в них, как в полотенца. Листья упали. Тогда он помог закрепить их, связав в узелки волокна, выступающие из мякоти.

– Иди за мной.

– Откуда эта музыка? – спросила девочка.

– Там люди, – сказал он уверенно.

Нейт ориентировался на звуки мелодии, которая с каждым шагом звучала все громче и отчетливей.

Впереди стеной стояли деревья, оплетенные плющом, покрытые грибами и бурыми лишайниками. Под ними разрослись густые папоротники. Но вскоре сквозь заросли им открылся просвет – синие проблески океана.

– Почти пришли, – выдохнул Нейт.

Берег был усыпан галькой и серым песком, местами грудились черные валуны базальта, облепленные высохшими коралловыми гроздьями.

Нейт вытер лицо.

Порыв ветра охладил его разгоряченное, потное тело. В горле нестерпимо жгло, а на зубах скрипел песок.

– Музыка идет от воды, – сказал Нейт, с тревогой оглядывая берег. – Но здесь… здесь никого нет.

– Ага, – еле слышно ответила Сифинь.

– Это означает, что где-то неподалеку плывет судно. – Он не нашел иного объяснения. – Звук хорошо движется над водой.

Он упал на колени, умыл лицо, прополоскал рот, но проглатывать воду не стал. Она приятно холодила нёбо, и потому пить захотелось еще сильнее.

Сифинь, не двигаясь, стояла позади него.

– Можно я попью? – спросила она.

– Нет, – ответил он.

– Почему?

– Вода соленая. Ее нельзя пить. Я лишь прополоскал рот.

Девочка нахмурилась.

– Думаю, нам лучше пойти вдоль берега, – предложил он. – Так мы выберемся к людям.

На него вдруг навалилась усталость.

Сифинь подошла к кромке воды.

– Отвернись, – попросила она.

– Пообещай, что не будешь пить.

– Обещаю.

Она терла себя вспененным мокрым песком – руки и ноги.

И тут он услышал, как она заплакала. Внутри него все сжалось. В отчаянии она упала на колени и принялась бить кулаками по воде.

– Я все понимаю, – сказал он негромко.

В голове крутились десятки вопросов. Прежде всего нужно было вспомнить главное: как он попал сюда? Кто эта девочка? И что произошло накануне?

Какой-то бред.

На куске гранита, омываемом волнами, он нашел синеватые мидии, которые крепко присосались к камню. «В Нидерландах сырыми едят, кажется», – подумал он. Поднял гальку, сбил два моллюска и расколол их раковины.

– Я не буду. – Девочка с отвращением помотала головой.

Закрыв глаза, не жуя, он проглотил обе мидии и поморщился. Запить их было нечем. В голове затуманилось от жажды.

Мрачно вглядываясь в океан, покрытый дымящимися, зеленоватыми валами, он искал глазами судно, с которого доносилась эта странная музыка. Но горизонт казался пустым. Было что-то таинственное в этих мелодиях – не возникали же они из ничего!

Что это за глушь?

Он нахмурился и тихо выругался.

Снова войдя в заросли леса, они нашли желто-оранжевые плоды, похожие на манго.

Лес был полон звуков – за деревьями гомонили его невидимые обитатели, что-то стрекотало, пищало, цокало.

Нейт гнал от себя все посторонние мысли, сосредоточившись на двух самых важных. Во-первых, нужно каким-то образом найти воду. Во-вторых, выяснить, как он здесь очутился.

Не меньше двух часов они кружили по лесу, и их легкая одежда оказалась изодрана в клочья, ноги исцарапаны, а свежие раны, алеющие кровью, привлекали мух.

– Здесь никого нет, – сказала девочка.

– Пойдем вдоль берега, – снова предложил он.

Под ногами хрустели галька, пустые крабьи панцири, сухие обрывки водорослей. В небе, налившемся яркой синевой, кружили чайки. Но их не было слышно – чаячьи крики перекрывала надоедливая музыка.

– Что я здесь делаю? – Девочка с тревогой взглянула на мужчину.

Он покосился на нее. Казалось, еще немного, и она снова заплачет.

«Я растерян не меньше тебя», – подумал он.

– Не знаю.

От океана потянулась волнующая мелодия, которая напомнила Нейту дом. Он подумал о матери, к которой обещал приехать утром, и с трудом подавил спазм, возникший в горле.

Жажда заставляла открывать рот и дышать, чуть высунув язык.

Девочка вдруг подбежала к кромке океана, опустилась на колени и стала черпать воду двумя руками.

– Не пей! – закричал он.

– Я очень хочу пить!

– Нельзя.

Она злобно на него взглянула, но послушалась и поднялась на ноги.

– Мы найдем воду, – пообещал он. – Потерпи. От соленой воды будет только хуже.

– Меня… меня тошнит.

– Потерпи.

Ее начало трясти.

– Откуда эта музыка?! – закричала она, рыдая. – Господи, я хочу домой!

Часто дыша, девочка билась в истерике.

Он ждал, когда она успокоится.

Наконец она посмотрела на него глазами, полными боли, и с горечью сказала:

– Вас зовут Нейт, верно, да? Так вот, господин Нейт. Здесь нет людей! Мы умрем здесь же, на этом песке.

Он подождал, пока ее эмоции стихнут, и ответил:

– Хорошо. Но сначала найдем воду.

Затем предложил:

– Можно достать фрукты. Точно. В них же достаточно воды. А по дороге, может, отыщем и какое-нибудь озеро.

Они углубились в лес, в прохладу папоротников и, отбиваясь от мух, съели по два желто-оранжевых плода.

Когда девочку вырвало, он отвернулся.

– Кажется, здесь был ручей, – сказал Нейт, указывая на высохшее, поросшее зеленью русло, тянувшееся в противоположную от океана сторону. – Нужно подняться вдоль него. Так мы можем найти воду.

Девочка вертела в руках подобранный на берегу зеленый пучок водорослей.

– Делай что хочешь.

Он наклонился и поднял с земли два полупрозрачных камня.

– Кварц, – объявил он.

Сифинь не ответила.

В просвете между деревьями солнце уже клонилось к горизонту.

– Нужно идти, – сказал Нейт.

Отмахиваясь от паутин, они поднимались все выше, но русло оставалось сухим.

В воздухе разливалась синева.

«Так быстро стемнело», – пронеслась у него мысль.

Что же чувствует девочка, если он сам на грани срыва? Он оглянулся. Она не сдавалась и, плотно сжав губы, продолжала идти за ним.

Мимо промчался бурый зверек и скрылся в кустах.

– Еще немного, – сказал Нейт.

Склоны, по которым они шли, становились все круче и сужались в лощину, которая казалась особенно темной и мрачной после яркого света на побережье.

– Я не могу, – всхлипнула девочка и опустилась на колени.

Не голос, а мышиный писк.

– Даже не думай, поняла? – Он поднял ее и легонько встряхнул. – Ты поняла меня?

Девочка ответила ему тусклым взглядом.

– Нужно идти.

Каменную стену озарил луч закатного солнца.

– Смотри, – прошептал Нейт. – Там что-то блестит… Это же пещера!

Под черным углублением в скале сверкала тонкая полоса.

– Здесь воздух очень влажный… ты чувствуешь? – Сделав шумный вдох, он заметил, что тело девочки обмякло, а глаза наполовину закрылись.

Он успел ее поймать, прежде чем она рухнула на землю, и, положив на плечо, двинулся наверх. Им овладело предчувствие, что они спасены – он не сводил глаз с блестящей полосы на скале.

Пещера оказалась узким ущельем между высокими стенами базальта – внутренней трещиной, укрытой густыми зарослями папоротника. Ветви и кусты создали хорошо спрятанное логово.

Нейт нырнул внутрь, и тут же что-то холодное упало ему на шею. Взглянув наверх, он понял, что на своде пещеры собирается конденсат. Сорвалась еще одна капля и разбилась о его щеку. По стенам тянулись мерцающие в полутьме ручейки.

– Вода! – прохрипел он. – Здесь вода!

Он опустил девочку, прислонив к стене, и пальцами смочил ей губы.

– Очнись, дитя.

И лишь когда она пришла в себя и удивленно на него взглянула, он припал к одному из ручейков и начал жадно слизывать с камня влагу. Это была скудная, грязная струйка, но ему было все равно. Он пил с мучительным наслаждением, позабыв обо всем.

Сифинь прижалась к противоположной стене и пила долго, причмокивая.

Становилось холодно. Прозрачное небо быстро темнело, одна за другой загорались звезды. Просветы между деревьями, прогалины в чаще, голубоватые при свете дня, теперь пугали своей чернотой. Лес слился в темную, бесформенную массу.

Нейт упорно высекал искры над горсткой сухих листьев. Он весь взмок и почти искрошил один из камней, когда листья наконец стали тлеть. Несколько раз он случайно ударил куском кварца по суставу большого пальца, и теперь в этом месте пульсировала боль.

Пламя робко вспыхнуло, поползло по веточкам и осветило тьму. Пещера оказалась небольшой – не более семи метров в длину и двух в ширину. Со свода грязно-серыми клыками свешивались сталактиты.

Нейт подложил в огонь заранее подготовленные крупные сучья. Он молчал, напряженно следя за пляшущим пламенем.

– Надеюсь, это не жилище какого-нибудь страшного зверя, – услышал он голос девочки.

– Не думаю, – пробормотал он.

– Простите меня, пожалуйста. Просто мне страшно, и я хочу домой.

Она вдруг прижалась к Нейту, и он почувствовал, как сильно она дрожит.

Он кивнул.

– Все будет хорошо, – добавила она.

В ней произошла неуловимая перемена. Вода придала ей сил.

– Да, я знаю… – ответил он. – Кто такая Клер?

Раздался глубокий вздох.

– Моя тетя. Она заботится обо мне.

– А твои родители?

– У меня их нет.

Они вдыхали аромат горевших веток. Можно было наконец расслабиться и все обдумать. Но музыка океана, приглушенная лесом, все так же его тревожила.

Девочка заснула.

Костер давно погас, от стен шел холод. Нейта колотила дрожь. Он выглянул из пещеры и разглядел в темноте колеблющиеся верхушки папоротников.

Что они здесь делают? И почему он ничего не помнит?

«Похоже на сон, – сказал он себе. – Яркий и правдоподобный, будто реальность».

Так он довольно долго утешал себя. Изредка в голове проносились пугающие мысли, оставляя жаркий след страха.

«А если нет? Тогда что? Похищение? Авиакатастрофа? Или что-то другое? Кто эта девочка?.. Все это явный бред, нагромождение нелепостей».

Он нарвал папоротников и, словно одеялом, укрыл ими Сифинь. Лег рядом, но долго не мог заснуть, с тревогой вглядываясь в темноту. И лишь когда заголосили птицы, его сковала дрема. Перед глазами повис тяжелый бархатный занавес, тело поплыло по волнам, и Нейт провалился в сон.

II

– Я замерзла, – сказала девочка.

Протирая глаза, он увидел, что небо затянуто облаками. Вдали виднелась полоска пляжа. Над океаном грудились темные тучи, а над водой висел туман, сотканный из дождевых капель. Оттуда все так же доносились глухие звуки музыки.

– Мне нужно мыло… – вновь начала Сифинь. – Если я не помоюсь, то сойду с ума.

Сжимая кулаки, Нейт шагал по пещере. Его раздражали капризы девочки и ее патологическая боязнь замараться.

– Здесь повсюду грязно, – резко сказал он.

Но тут же пожалел. Все-таки тяга к чистоте – это нормально, и он сам был не против принять прохладную ванну с пеной.

Вдруг девочка закричала. Она в отчаянии выкрикивала какие-то бессмысленные слова. Голос Сифинь был тонким и слабым. От этих стенаний в его груди словно прорастали шипы. Но как ей помочь? Он попытался ее обнять, но она вырвалась.

– Обещаю, я найду людей, – повторил он дважды.

Зарядил ливень, и Нейт вполголоса выругался: у них не было никакой посуды, чтобы набрать воды. Как же глупо.

Скользнув взглядом по Нейту, девочка спустилась по отрогу и села на мшистый камень. Запрокинув голову, она открыла рот и ловила теплые дождевые капли, а руками растирала шею, подставив ее под небесный душ.

Повсюду громыхало – лес освещали фиолетовые вспышки молний. Нейт ушел за выступ скалы, поднимающийся к небу вертикально поставленным лезвием, – снял майку и последовал примеру Сифинь, смывая с себя загустевший пот, который напоминал жирную рыбью слизь.

Тело больше не зудело, он наконец ощутил приятную чистоту.

Вернувшись в укрытие, он долго раздувал угли, пока пламя не объяло сложенные веточки.

«Надо бы сходить за мидиями, – мелькнула мысль. – Жареные, наверное, даже вкусные».

Вскоре дождь перестал, выглянуло солнце, и ветер стих. Океан вдали блестел, как чистое зеркало. Издалека тянулись надоедливые мелодии.

– Я всего лишь пытаюсь понять, – бормотал Нейт, – каким образом мы попали сюда. Плюс у меня не выходит из головы эта музыка.

Если заткнуть ватой уши, залить сверху воском, как делал Одиссей, то и тогда она наверняка найдет способ проникнуть в мозг. Что за бред? В океане не видно ни кораблей, ни катеров, ни лодок.

– Кажется, это Моцарт, – безучастно ответила девочка.

– Я… – помедлил он, – особо-то и не разбираюсь.

Она сидела в углу пещеры, неестественно изогнувшись, и даже не обернулась на его слова. Она лишь шептала имя «Клер», покачиваясь из стороны в сторону.

– Я поищу людей, – предложил он. – Можешь пока отдохнуть.

Сифинь слегка шевелила губами, но ничего не говорила. В руках она теребила высохший пучок водорослей, который подобрала вчера. Теперь он был мертвого, бурого цвета.

Нейт бродил по лесу долгие часы, пытаясь найти следы людей.

Голова гудела от жары. Солнце жгло непокрытую макушку. Тогда он обернул голову листьями, как и в первый день. Это помогло.

Птицы пронзительно вскрикивали, когда он раздвигал заросли, пробираясь сквозь лес в надежде наткнуться хотя бы на костровище.

– Зачем я здесь? – бормотал он.

Но все было зря. Его окружал девственный, никем не тронутый лес. Ни тропинок, ни мусора, ни окурка.

Есть ли здесь города да любые поселения? Каким образом он попал в это дикое место?

«Кажется, я заболел», – подумал он.

По тому, как зудела кожа на плечах, он понял, что сильно обгорел. Будто смеясь над ним, солнце сияло в небе, поливая его огненными лучами. Он весь взмок, покрылся клочками паутины и сломанными стебельками. О чувстве свежести после утреннего душа он уже забыл.

Нейт постоянно смахивал с себя упавших с деревьев пауков, жуков, многоножек, распугивал чирикающих в зарослях желтых и синих птиц. В подоле его майки лежали моллюски и помятые фрукты. Штаны разодрались на коленях, в районе паха и клочьями висели на нем.

«Первое, – размышлял он, – нужно вспомнить, что привело меня сюда. А пока нужно поддерживать в теле жизнь. Давать ему пищу и воду. И не забывать о девочке. Нам повезло, что мы наткнулись на укрытие».

«Второе: надо быть готовым к болезни, – решил он. Его уже лихорадило и мутило. Едкая кислота подбиралась к горлу, выжигая пищевод. – Похоже, температура. Возможно, отравление мидиями. Я же их ел сырыми. Или это обезвоживание?»

«Третье: важно как можно больше разговаривать с девочкой. Нельзя, чтобы она окончательно замкнулась», – он и сам переживал за свою психику, но понимал, что речь позволяет сохранить рассудок. Даже если говорить с самим собой.

«Наконец, четвертое: необходимо найти людей. Тогда все станет понятно. Пожалуй, это самое важное», – заключил он.

Когда он вернулся, Сифинь уже спала.

Он с облегчением вздохнул, убедившись, что она в безопасности. Напившись, он устроил из папоротника нечто вроде подстилки. Затем положил фрукты в дальний угол на кучу веток.

Теперь спать, спать и ни о чем не думать!

«Все это не может продолжаться вечно», – решил он и рухнул в сон.

Много позже, вспоминая эти дни, он возвращался в памяти к тому, как выдалбливал камнем углубление у стены, чтобы туда стекал самый крупный ручеек. Там за сутки стало скапливаться достаточно воды.

– Прошло три дня, как мы попали сюда, – сказал он.

Он вновь застучал зубами – дрожь накатывала приступами. Ночами у него поднимался жар, и он бредил. Сил почти не осталось, и постоянно хотелось пить.

– Да, – просто ответила девочка.

Он ясно почувствовал, что она еще больше замкнулась, и будто невзначай добавил:

– Утром я видел людей, дитя.

Это сработало как триггер.

Сифинь с мольбой взглянула ему в глаза:

– Почему? Почему ты ничего не сказал?

– Если это был не сон, и они…

Она отвернулась.

– Я сегодня ходил к океану, но никого не встретил. Музыка по-прежнему звучит, я даже…

– Где ты их видел? – спросила она.

– Утром я встал по нужде и заметил на пляже трех человек.

Он почувствовал, что оправдывается. Ему стало стыдно.

– Ты не сказал мне! – всхлипнула она.

– Я боялся дать тебе ложную надежду… Сначала я хотел сходить и проверить. Но, как я уже сказал, там никого не было…

– Нужно идти дальше вдоль берега, – перебила она. – Ты же сам говорил!

– Это может быть опасно.

– Не опаснее, чем сидеть в этой вонючей пещере.

III

Брахур умирал от жажды.

«Холодная вода, прозрачная, как лед, очищающая, кристальная, сверкающая», – он думал о ней, добавляя всевозможные эпитеты, и представлял, как он пьет ее, втягивает ртом, смакует, и тысячи целебных серебристых нитей устремляются в него, неся в себе жизнь.

«Три дня, уже три дня здесь», – врезалась в сознание мысль.

Парень лежал в тени развесистого дуба. Неподалеку, под соседним деревом, хрипели двое мужчин. Брахур видел, как утром, перекидываясь шутками, они пили из океана. Не это ли самое опасное? Теперь же они лежали, придавленные к земле зноем.

Раскаленный воздух дрожал: мерно, студенисто колыхалась гладь океана, а позади вставал лабиринт из зарослей.

Брахур боролся с рвотой, спазмами подступающей к горлу. Перед глазами плыли круги. Он где-то читал, что обезвоживание приходит незаметно, проявляясь лишь несколькими симптомами.

От океана тянулась музыка. Брахур узнал величественный аккорд, исполненный виолончелью, – фа мажор, продлившийся четыре такта.

«Это же Стравинский, – ошарашила его догадка. – Русский балет».

Перед глазами пронеслось старое, забытое воспоминание: он ребенком играет на ненавистной скрипке.

Да, он немного разбирался в классической музыке, но от этого было не легче. Через пару мгновений он перестал думать об этом.

Иссушающий, палящий жар проникал в самую глубину тела.

Парень вдруг закашлял, попытался сплюнуть, но не получилось. Во рту пересохло так, что густые комки слюней пришлось вытягивать изо рта пальцами. Казалось, что с каждым выдохом организм теряет последнюю воду.

В тени деревьев стонали люди. Некоторые в прострации ошеломленно ощупывали свои лица и руки.

Прошлым днем шел дождь, но мало кто успел напиться. Земля жадно впитала лужицы, и вскоре на небе снова полыхало солнце.

– Пить… пить… пить, – бормотал мужчина, скорчившись под соседним деревом.

Рыжая девушка опустилась на колени, запрокинула голову и испустила вопль, похожий на волчий вой. Люди стенали, царапали себя ногтями, хотя еще утром препирались, дрались и ходили искать источник воды, повязав на головы белые майки.

Утром пляж полнился криками, воплями, проклятиями и стонами. К полудню, когда раскалилось солнце, а человеческие тела потеряли еще по пол-литра воды, на берегу слышались лишь стоны.

Измученные люди лежали в тени деревьев, жевали листья и найденные в лесу фрукты, надеясь получить хотя бы несколько капель живительной влаги. Позднее они хватались за животы, страдая коликами, и про себя ругались. Кто-то вел себя тихо и равнодушно, будто уже принял неизбежное.

Те, кто напился соленой океанской воды, замерли без движения. Возможно, умерли. Брахур не знал. Взгляд его, мутный и полный недоумения, скользил по обессиленным телам. Уже третий день он не понимал, где находится.

Он положил голову на дубовый корень, который напоминал сухую руку, протянутую из земли. Другие корни, будто анаконды, расползались от ствола дерева. Уже более часа Брахур обдумывал свой план.

Наконец парень решился. Он вынырнул из тени под огненно-белые лучи солнца и схватил острый, похожий на головку топора, камень. Мужчины неподалеку лежали тихо. Может быть, умерли? Но нет – они смотрели на него сквозь щелки глаз. Их тела были багрово-красными, опаленными поцелуями солнца. На плечах белыми лохмотьями слазила кожа.

С океана потянулась другая мелодия – Брахур различил импровизацию на Лунную сонату. Но тут же вяло шевельнулась мысль, что он ошибся и это было «Рондо Каприччио» Бетховена. Вскоре музыка сменилась на незнакомую ему.

Камень, горячий и шершавый, лежал в ладони.

Вернувшись в спасительную тень, парень с силой ударил по бурому корню, и на нем, поблескивая влагой, вспыхнула свежая царапина. Тяжко вздохнув, Брахур вновь с силой опустил камень. Через пять ударов он примкнул ртом к сочившейся соком древесной ране.

Во рту растеклась прохлада. Он с силой втягивал эту горьковатую жидкость, но разве возможно напиться несколькими каплями? Некоторое время он мучительно высасывал из корня дубовый сок, и ощущение нереальности, преследовавшее его уже три дня, постепенно ослабло.

– Пейте, – прохрипел он, указывая мужчинам на корень.

Один из них мотнул головой и пополз к источнику влаги.

Второй же начал искать камень.

Жажда мучила всех со второго дня. Фрукты не помогали – клейкие, слишком сладкие, они вызывали понос и, как следствие, еще большее обезвоживание. К середине третьего дня жажда стала нестерпимой и сводила людей с ума.

Вокруг творилось безумие. Некоторые становились на колени, воздевая руки к небу, или бросались навзничь, уползая в тень зарослей от безжалостного солнца, катались по песку, скуля, как собаки.

Нужно найти кого-нибудь, кто сможет объяснить, как он очутился в этой глуши. Почему эти люди одеты в точности как и он, – белые майки и черные штаны? Как они все попали сюда? Зачем он здесь?

Слышался редкий стук.

Худой мужчина, с трудом поднимая над головой камень, бил им по корню соседнего дерева.

Лицо вдруг освежил приятный ветерок, прилетевший с океана. Брахур закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

«Кажется, ноктюрн Шопена, опус № 9, – обожгла его мысль. – Да, эта непрерывная последовательность восьмых… это знакомое арпеджио… Но откуда оно звучит? И почему?»

Он поискал в океане судно и ничего не заметил. Но его взгляд остановился на пугающей сцене. У кромки берега рвало согнувшуюся вдвое женщину.

– Не нужно пить эту воду, – еле слышно прошептал парень.

Его чувства были будто заморожены.

Шатаясь, он подошел к женщине.

– Это опасно, – повторил Брахур.

Она повернула к нему голову.

В ее широко раскрытых глазах застыло недоумение младенца. Губы дрожали мелкой дрожью.

– Я дам вам воды, – сказал он.

Она приоткрыла искаженный спазмом рот, но ничего не ответила.

Он помог ей подняться и довел до дуба.

– Отойдите! – выдохнул он. – Дайте ей тоже попить.

Мужчина даже не оглянулся. Он жадно присосался к корню и стонал, как загнанный зверь. Брахур рванул его на себя и с яростью закричал:

– Она еще не пила!

Мужчина злобно на него взглянул, но отступил. Брахур с отвращением заметил на его подбородке засохшую струйку рвоты.

Женщина тяжело осела на землю и заплакала.

– Подождите, – сказал он, схватил камень и начал долбить им другой корень.

Вскоре стала сочиться влага.

– Пейте. – Брахур запыхался и сел рядом.

Пока женщина пила, он рассеянно обводил взглядом океан, пляж, страдающих людей.

«Что это за проклятое место? – продолжал думать он. – И откуда берется музыка?»

Он посмотрел на пустой океан, откинув со лба прядь волос. Постепенно его дыхание успокоилось. Брахур вслушивался в божественные мелодии, приносимые волнами, и напряженно думал.

«Что чувствует человек, когда умирает? Что видит он? Неужели сосны, буки и эти деревья? О, теперь отзвуки «Кольца Нибелунгов»… Нет, стоп. Что за чушь? Я живой. Вне всяких сомнений».

– Благодарю вас, – сказала женщина.

Он очнулся от размышлений и улыбнулся ей.

– Надо сказать другим, что тут… в корне то есть… вода есть, – бормотала она обессиленно.

Брахур кивнул.

– Меня зовут Мирия, – добавила женщина.

Присев на корточки, она странно, механически качала головой. У нее были густые черные волосы, которые свешивались ей на лицо.

– Брахур, – представился он и вновь погрузился в мысли.

Вдруг худой мужчина под соседним деревом захрипел и, схватившись за горло, начал биться в агонии.

Брахур мучительно наблюдал за судорогами.

Через минуту мужчина затих.

Парень скользнул взглядом вверх и понял, что тот лежал под тисовым деревом. Этот бедолага напился сока из корня смертельно ядовитого древа.

Брахур прикрыл глаза.

В груди заскреблась совесть, настаивая, что это он виноват в смерти мужчины – ведь он подал ему пример, как напиться древесного сока.

– Перестань, это не твоя вина. – Женщина будто прочитала его мысли.

Брахур ответил не сразу.

– Надо бы помочь другим, – буркнул он.

Нарастал дикий, непрерывный стон – будто стонало слепящее синевой небо, стонал раскаленный песок или океан. Стон напоминал трескотню кузнечиков на лугу или стрекот цикад в ночном лесу.

Стоны становились громче, резче, повсюду виделись перекошенные рты, из которых лились эти жуткие звуки.

Вдруг по пляжу разнесся громкий, сухой голос.

– Я дам вам воду! – заскрипел он. – Разве я позволю вам умереть?

Среди лежавших людей – будто по живому кладбищу – шел человек.

– Следуйте за мной! – звал он.

Люди следили за ним недоверчивыми взглядами.

Брахур присмотрелся к нему. Это был худой, хилый старик с впалыми щеками и растрепанными волосами.

– Я дам вам воду! – снова и снова повторял старик.

– Ты знал! – заорал кто-то.

К старику плелся юноша с перекошенным от гнева лицом.

– Ты знал, сволочь! – правой рукой он схватил старика за грудки. – Я сломаю тебе челюсть, ублюдок!

Он оглядел остальных, будто ожидая поддержки.

Но до этого не было никому дела. Люди лежали, измученные смертоносной жарой. Им была нужна только вода, пресная вода.

– Не тронь его! – зарычал крупный, коренастый мужчина. Он выступил вперед – красный, обожженный солнцем. – Пусть ведет.

Старик указал на заросли и улыбнулся, сверкнув желтоватыми зубами. Держался он горделиво и снисходительно, разговаривая с остальными будто с неразумными детьми.

– Идемте за мной.

К нему, стеная от изнеможения, подползла рыжая девушка.

– Пиии-ить, – прохрипела она высушенным голосом.

Люди с трудом вставали на ноги и, шатаясь как от сильного опьянения, направились за стариком.

– Нужно пойти за ним, – сказала Мирия.

Брахур помог ей подняться.

Звучали незнакомые, теперь уже электронные мелодии – странные пассажи, музыкальная акробатика. Подчиняясь их ритму, люди еле передвигали одеревеневшие ноги. Колючие ветки рвали им одежду и царапали кожу. Несчастные падали, но вставали и брели за стариком, устремив вперед невидящий взгляд, продираясь сквозь ядовито-зеленые заросли.

Брахур оглянулся. На пляже осталось лежать несколько десятков человек. Не исключено, что солнце уже убило их.

Стон не утихал. Он тянулся вслед за ними, – монотонный, безнадежный, похожий на визг брошенных, умирающих щенят.

Что, если старик обманул их? Что, если он заведет их в непроходимую чащобу, откуда им уже никогда не выбраться? Но они верили ему и упрямо брели вперед.

Брахур слышал, как двигался их караван – тяжелый и неровный топот ног, давящих сухие ветки и сосновые шишки, надорванное дыхание и сухое бормотание запекшихся губ. И если кто-то падал – другие, будто слепые, натыкаясь на тело, тоже падали, с хрипом поднимались и шли дальше за стариком. Точно не живые люди, а армия зомби с программным кодом.

Брахур остановился у колючего кустарника, вытирая кровь с колена, как вдруг сзади кто-то налетел на него, выругавшись сиплым голосом. Из зарослей с криком выпорхнула желтая птица и, громко хлопая крыльями, умчалась прочь.

– Я укажу вам ручей! – слышался впереди голос. – Всем хватит!

«А ведь они… – думал Брахур, – они даже не знают, куда идут, и зачем они здесь, и почему умирают. Им пообещали воду – поэтому они плетутся за стариком, которого видят впервые в жизни».

Рядом шла женщина, которую он спас, а впереди виднелись лиловые, опаленные жарой затылки. Люди плелись в солнечном блеске, омертвевшие от усталости и зноя, не понимая, что происходит… Вот уже три дня они здесь. Как же бессмысленно это! И никакого, черт возьми, объяснения.

Тонкая струйка ручья широко разливалась по песчаному бережку и ныряла под землю. Рядом лежала груда покрытых мхом глыб, поставленных одна на другую чьей-то исполинской рукой.

Едва заслышав журчание воды, обезумевшие люди рванули к ручью. Они падали на колени, толкали друг друга локтями и жадно пили. Некоторые стояли прямо в воде.

– Пейте, друзья мои! – улыбался довольно старик.

Утолив жажду, Брахур умыл лицо. В желудке, натянувшемся барабаном, плескалась вода. Парень облегченно вздохнул и покосился на старика. Кто этот странный спаситель? Откуда он узнал расположение ручья?

Люди медленно приходили в себя. Их взгляды еще оставались туманными, как после глубокого сна, но в них постепенно проглядывала осмысленность.

– Где мы? – раздался несмелый голос.

Старик улыбнулся.

Видимо, он ждал, когда все закончат пить.

Несколько женщин поклонились ему в знак благодарности. Остальные обратили к нему просветлевшие лица и смотрели с радостью, долей страха и неуловимого безумия.

– Это сад неиссякаемых щедрот, – сказал громко старик. – Мой благословенный край.

Его слова навевали жуть.

– О господи, – прошептала Мирия и перекрестилась.

Брахур вздрогнул.

Каждый нерв звенел в нем от напряжения, однако в его глазах блестело лишь спокойствие, смешанное с усталостью.

Он огляделся.

Люди восхищенно смотрели на старика.

В зарослях переговаривались птицы.

Со стороны океана глухо звучала симфония Шостаковича.

IV

Прошло почти две недели. Дни, точно близнецы, походили один на другой: пробуждение в пещере, поход за фруктами, поиски людей, солнечные удары, музыка, замкнутость девочки. Правда, дождь больше не шел.

Нейт копался в памяти, пытаясь отыскать в ней воспоминания последнего дня перед тянущимся кошмаром. Все, что ему удалось вспомнить, – поездка к матери. Но он не доехал к ней. Купил апельсинов и цветов, белых хризантем, оставил все в машине, затем вошел в какое-то здание, поднялся по лестнице и повернул ручку двери. Стоп-кадр. Ручка круглая, металлическая, холодная, с плавным ходом. Кто-то крепко пожал ему руку. Чувство удовлетворения. Дальше темнота, а затем душная поляна посреди зарослей.

Девочка тоже мало что помнила. Когда он спрашивал ее, она неизменно рассказывала ему про уроки в школе, домашнее задание по рисованию и мультфильм о Дональде Даке.

– Клер уложила меня спать, – сказала она. – Поцеловала и закрыла дверь. А потом я проснулась в лесу.

Больше она ничего не говорила.

Его разбудил крик животного. Беспокойное, неприятное пробуждение. Погладив обросший подбородок, он выглянул наружу и вновь увидел, что далеко, у горизонта, движется темное пятно. Оттянув в сторону веко, Нейт пригляделся. Это был человек! Он в одиночестве брел вдоль кромки воды.

– Господи! – прошептал Нейт.

Лицо осветила улыбка, он быстро вернулся в пещеру. Ему хотелось поскорее разбудить девочку, но он не стал. Свернувшись калачиком, она тихонько подрагивала. На него навалилось чувство вины, будто именно он виноват в ее злоключениях.

Он вышел и встал у края ущелья, смотря на пляж – человек был по-прежнему там.

Вернувшись, Нейт поцеловал девочку в лоб.

– Нужно идти, дитя, – сказал он.

Они пошли к берегу, но не привычной дорогой, а в направлении, где он видел незнакомца.

У зарослей он заметил темную лужицу. Однако то, что сначала показалось ему краской или разлитым машинным маслом, было чем-то иным.

– Это кровь, – едва слышно сказала Сифинь.

С сонным гудением вокруг лужицы сновали золотистые мухи. Рядом рубиновой россыпью застыли свернувшиеся брызги. Земля была примята, стебли переломаны.

Нейт остановился. Внутри него все похолодело.

– Это ничего не значит, – сказал он. – Может, это даже и не кровь.

Они сделали еще несколько шагов, когда из глубины леса раздался крик. Так мог кричать только человек, превозмогающий сильную боль. У Нейта перехватило горло от недобрых предчувствий. В нос ударило зловоние. Он почувствовал тошноту и затормозил, удерживая Сифинь.

Но снова стало тихо – лишь в зарослях гудела живность, а вдали звучала проклятая музыка.

Мертвец лежал, привалившись спиной к стволу сосны, и на траве, между его ног, валялся камень с запекшейся кровью. Глаза его были выедены птицами, на их месте зияли провалами черные глазницы. В одной из них сидел крупный овод.

Нейт почувствовал, как напряглась девочка. Сифинь железной хваткой вцепилась ему в локоть, когда он потащил ее за собой.

– Пойдем, дитя. – Другой рукой он старался закрыть ей глаза, но, очевидно, было поздно. – Не нужно смотреть.

– Он мертвый, Нейт.

– Да, – сказал он.

– Его убили?

– Скорее всего.

Они долго шли и успели покрыться паутиной и лесной трухой, когда в деревьях забрезжил просвет. С берега вновь раздались крики.

– Мне страшно, – не переставала шептать девочка. – Страшно… страшно…

Они заметили на пляже человека.

А потом увидели и остальных – более сотни людей. Многие из них стояли на коленях. Все они были в закатанных черных штанах. Грязные, обгоревшие спины. На головах белели тряпки-банданы, защищающие от солнца.

Толпа что-то громко скандировала.

– Аргус! Ларкс! – кричали они, смеялись и радостно вопили. – Маркус!

В центре, на бревне, стоял тощий старик, тянущий руки к небу.

– Боже мой, что они кричат? – прошептал Нейт.

– Умоляю тебя, – заплакала Сифинь. – Давай не пойдем к ним.

– Нет, конечно же нет.

– Мне страшно, Нейт… Я сильная… просто слишком напугана.

Эти робкие слова раскрыли в нем что-то мучительно болезненное. Господи, она казалась такой беззащитной!

Ему захотелось обнять эту девочку и утешить, увезти куда-нибудь далеко-далеко и нянчить, заботиться как о собственном ребенке. Но это было невозможно.

– Я понимаю, дитя.

Нейт внимательно наблюдал за происходящим.

Толпа умолкла.

Старик выпрямился и, чуть закатив глаза, громко сказал:

– Вы, мои дорогие ученики, – лишь осколок моей фантазии.

А потом добавил мягко, будто напевая шепотом:

– Я буду вашим царем, и имя мне Маркус.

Его маленькие черные глазки блестели из-под седых бровей. Из приоткрытого рта тянулась тонкая струйка слюны.

– Где мы? – спросил белокурый парень, обросший щетиной.

– На моем острове, – ответил старик и соединил кончики длинных, сухих пальцев.

Его голос то извивался, то взмывал ввысь, то переходил на вкрадчивый шепот, как и подобает хорошему оратору.

Толпа завороженно следила за ним.

Девочка не выдержала, и у нее началась истерика. С рыданиями и смехом, с нечленораздельными словами. Она вновь просила мыло и воду, звала Клер и умоляла увезти ее домой.

Несколько человек обернулись в их сторону.

Нейт подхватил ее на руки и побежал обратно. Не оглядываясь, он рванул в гущу зарослей. Он не помнил, как долго мчался по лесу, но бежал он так, будто за ним гнались звери.

Судорожно глотая воздух, Нейт рухнул на колени. Никто их не преследовал. Он опустил Сифинь на землю. На ее бледное лицо упал луч солнца.

– Успокойся, дитя… – Он с трудом перевел дыхание. Глаза разъедал пот, и чувство жажды вновь охватило его. – Пожалуйста, успокойся.

Она стонала.

Пылающий диск солнца висел над ними, окрашивая деревья в алый цвет, но в глубине леса, в зарослях, царил зловещий полумрак.

– Мы найдем твою тетю, – говорил Нейт, вытирая свое лицо грязной майкой. – Я обещаю, все будет хорошо, вот увидишь. Мы вернемся домой.

Он сидел, обливаясь пóтом, и усиленно думал.

«Кто этот старик? – давил его вопрос. – Не терять чувства реальности… Не терять… Возвращаться на берег опасно. Значит, нужно идти обратно, к пещере…»

Вдруг послышался треск сучьев, и зашуршали ветки.

Справа шевельнулся куст, покрытый блестящими черно-зелеными листьями, и на поляну выскочил юноша. Увидев их, он остановился как вкопанный, и повисло молчание.

– Кто вы? – спросил он. – Я вас не встречал.

Нейт мгновенно вскочил на ноги и, облизнув пересохшие губы, встал, закрывая девочку. Сифинь всхлипывала и цеплялась за него.

– Я убью тебя, если тронешь дитя, – зашипел он. – Я убью всех, если только посмеете.

– Сколько вас? – снова спросил юноша.

Складки у рта придавали его лицу выражение дерзкой решимости. Руки, необычайно худые, напряглись, очертив пульсирующие вены. Он стоял, вытянув шею; глаза, ясные и правдивые, сверкали в ожидании ответа.

– Что происходит на берегу? – выдохнул Нейт.

Он почувствовал, как дрожит за ним Сифинь.

– Не советую туда идти, – ответил юноша.

– Что это значит?

– Вас могут убить. Вот и все, что я могу сказать.

Только сейчас Нейт заметил, что у парня кровоточат раны на щеке и левом плече.

Сифинь молчала и немигающим взглядом смотрела на незнакомца.

– Как тебя зовут? – спросил Нейт, щурясь от пота.

– Брахур.

Юноша рассматривал мужчину, изредка поглядывая на оцепеневшую девочку.

– Ступайте за мной, – сказал он резко, словно отдавал команду.

Мужчина не двинулся с места.

– Вас здесь убьют, – повторил юноша. – Второй раз звать не буду.

Он быстро нырнул в кусты. Ветки за его спиной со свистом закрыли проход.

– Ты веришь ему? – спросила девочка.

Она с яростью расчесывала себе шею.

– Да, – немного подумав, ответил Нейт. – Скорее верю, чем нет… Прекрати, ты занесешь инфекцию!

Он вдруг поймал себя на мысли, что уже давно поступает так, будто эта девочка – его дочь.

– Мы пойдем за ним? – Она спрятала руки за спину.

– Да.

Раздвинув кусты, они последовали туда, где скрылся парень.

Примерно через километр им встретился ручей, скользящий по дну каменистого оврага.

– Питьевая вода, – сказал Брахур.

Девочка забежала в ручей и стала плескаться.

– Скажи ей, чтобы прекратила, – сказал юноша. – Она может привлечь их внимание.

– Чье? – Нейт вплотную подошел к нему и заглянул в лицо. – Мне уже осточертели твои загадки.

– Что именно ты хочешь узнать? – Брахур не шелохнулся. Он спокойно смотрел ему в глаза. – Как они поклоняются старику?

– Какому старику?

– Значит, ты не в курсе?

– Послушай, парень, я очнулся двенадцать дней назад. Рядом со мной лежала эта девочка…

– Где вы жили? – перебил его Брахур.

Нейт глянул на Сифинь. Она впервые чему-то улыбалась и, поливая себя водой, плескалась в ручье.

Он испытующе посмотрел на юношу.

– В пещере, километрах в десяти отсюда, – мрачно сказал он. – Где мы? Что это за проклятое место?

– Судя по всему, это остров. И он огромен.

Нейт некоторое время молчал.

– Значит, ты знаешь, как мы сюда попали?

– Все люди, которых я здесь встречал, – ответил Брахур, – очнулись двенадцать дней назад. В точности как ты и говорил.

– А ты?

– И я в том числе.

Нейт отрицательно покачал головой:

– Я тебе не верю.

– Твое право, – равнодушно сказал юноша. – Но ты ведь пошел за мной. Еще и девчонку прихватил.

– Тебе известно, откуда играет музыка?

– Это океан.

– Океан? Может, это какое-нибудь судно…

– Здесь нет судов.

– Музыка не может взяться просто так, – возразил Нейт. – Это же… нелепо, что ли.

Он спустился к ручью, сделал пару глотков и ополоснул лицо.

– Сифинь, нам пора.

Брахур шел неторопливым шагом, тщательно обдумывая и взвешивая, стоит ли вести незнакомцев в свое убежище. Хоть с первого взгляда было понятно, что мужчина не лжет ему. До смерти перепуганная девочка, ее расширенные от ужаса глаза, дрожащие губы, и отец (как казалось Брахуру), который агрессивно защищает дочь.

Разве возможно столь естественно сыграть панику? Сомнительно. Наверняка Нейт сказал ему правду о том, что они жили в пещере. Но особенно поразило парня, что они тоже очнулись на острове двенадцать дней назад. И они даже не подозревают, насколько им повезло, что они не обезумели от жажды и не оказались в секте.

Тропка петляла в густом жестком кустарнике, доходящем до пояса. Им попадались привычные дубы и сосны, буки и тисовые деревья, покрытые уродливыми наростами. Они забрались уже глубоко в сердце острова, но и сюда еще долетали мелодии океана.

За дни, проведенные на острове, Брахур научился спокойно относиться к музыке, которая, по его мнению, не имела определенного источника. Сейчас со стороны океана тянулись отзвуки «Трех слепых мышек» в забавной манере Прокофьева. «А ведь это мы – те самые мышки», – подумал он и мысленно усмехнулся.

V

Убежище было скрыто в зарослях. Оно распологалось под сосной, корни которой поднимались метра на два над землей и, ветвясь тонкими побегами, расходились во все стороны. Ствол дерева походил на заржавевшую трубу, облепленную плющом и черными, липкими грибами. У входа в убежище желтела полоска песка, по краям – стелился кустарник с острыми листьями.

– Здесь безопасно, – заметил юноша. – Сюда почти не проникает свет.

Сорвав с куста маленький белый цветок, он протянул его Сифинь.

– Мы видели на берегу толпу, – сказал Нейт. – Они что-то кричали, и мы побоялись к ним выходить. Я взял девочку на руки и побежал обратно в лес.

– Разумно, – ответил Брахур.

– В центре стоял какой-то старик. Ты говорил о нем?

– Да, они ему поклоняются.

Сифинь уткнулась Нейту в плечо и молчала.

Похоже, так ей становилось спокойней.

– И давно? – спросил Нейт.

– Он появился здесь вместе со всеми и заявил, что это его остров. Всем было поначалу плевать… Никто не понимал, что происходит, был жуткий хаос. Через два дня все уже страдали от жажды. Некоторые пили морскую воду. Я видел их трупы.

– Вы не нашли пресную воду?

– Никто тогда не нашел, – ответил Брахур. – А что пили вы?

– Конденсат. Он стекал по стенам пещеры… – Нейт хмуро отвел глаза. – Что случилось потом?

Брахур на мгновение задумался и продолжил:

– Старик всех собрал и пообещал, что даст воду. «Разве позволю я вам умереть от жажды? Я укажу вам источник». Кажется, так и сказал.

Нейт больше его не перебивал.

– Помню, на старика накинулся какой-то парень. Закричал, что тот все знал. Но его остановили. Есть там один коренастый – он теперь правая рука старика. «Пусть ведет», – сказал он. Я помню его глаза и еще, как на его шее вздулись жилы. Да я и сам был измучен, честно скажу… Ну, побрели мы за стариком. Одни смотрели на него с осуждением, другие – с надеждой. Старик привел нас к оврагу. Я не видел, но многие говорили, что там, где он ударил палкой, возник ручей. И началась потасовка. Все рванули к воде и стали пить.

Нейт напряженно думал. Он чувствовал, что мир для него открывается с новой, неприятной стороны. Выходит, старик устроил, чтобы эти люди медленно сошли с ума.

– Значит, это секта?

– Да, здесь образовалась секта.

– А музыка?

– Я уже говорил тебе.

Он вновь хотел возразить, что океан не может играть музыку, но вдруг ощутил тупое, давящее изнеможение. Спорить ему не хотелось.

Где-то неподалеку зашуршала листва.

– Мне нужно идти, – обернулся на звук Брахур. – Можете здесь отдохнуть. В глиняном горшке есть немного воды.

Под навесом сгустилась тьма, но можно было различить кучу мягких папоротниковых веток, служащих постелью. В углу стояли горшки с водой, лежали несколько гнилых яблок и длинные желтые полоски, похожие на кору.

– Нам нужно ему доверять, – сказал Нейт.

– Я поняла, – ответила Сифинь. – Мне он показался хорошим.

Она села на кучу веток и смотрела на него исподлобья.

– Если что, я всегда начеку.

– Что это значит – «начеку»? – не поняла она.

– Это означает, что я всегда осторожен, – сказал он, смахивая с подбородка маслянистые капли пота.

Брахур шел по густой буковой рощице и думал.

Сквозь заросли пробивался разорванный, соединенный с незнакомой музыкой мотив из «Грозы» Вивальди.

«Ага. Его здесь не часто услышишь, – пронеслась мысль. – Нужно отметить».

Наконец Брахур добрался до шалаша.

Его встретила крупная, хмурого вида женщина с густыми черными волосами. Это была Мирия.

Она выглядела отекшей. Брахур подозревал, что это почечная недостаточность, вызванная обезвоживанием тех дней.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Тошнота не проходит, – ответила Мирия. – И мышцы очень странно подергиваются.

– Пей больше воды. Я тебе говорил. Завтра принесу еще.

Повисла пауза.

– Почти ночь. Поздно же ты пришел. – Она готовилась ко сну и взбивала постель – слежавшиеся ветки папоротника.

– Тебя никто не беспокоил? – спросил он.

– Днем проходил мимо один. Даже не обратил внимания. Так что все хорошо.

Брахур кивнул.

– Есть немного фруктов, – сказала Мирия.

– С удовольствием поем.

Однажды он спас ее – дал напиться из дубового корня. И теперь она была единственным человеком, кому он доверял в этом гиблом месте.

– У холма я наткнулся на двоих, – сказал Брахур. – Отец с дочкой. Я говорил с ними.

– Что тебя удивило?

– Их разум не затемнен.

Он с жадностью поглощал желтые продолговатые плоды.

– Где они жили? – Мирия замерла и с тревогой смотрела на него.

– Отец говорит, что в пещере.

Брахур вытер липкий сок с подбородка, нырнул в шалаш и вытащил из угла связку коры. Внутри пахло прелым папоротником и гнилыми фруктами.

– Выходит, они даже не слышали о старике? – Глаза Мирии блестели из-под болезненно опухших век.

– Вроде бы нет. Я поверил им. Невозможно так естественно лгать.

– Где они сейчас?

– В моем укрытии.

– Господи боже мой… Ты с ума сошел? Вести их туда в первый же день!

– Все в порядке.

– А если они…

– Они измучены и напуганы, – сказал Брахур. – Все равно я ночую у тебя.

Он вышел на свет, развязал связку коры и вытянул одну длинную полоску молочного цвета. Затем сел на землю, в руках у него появилась заостренная палочка.

Он что-то выцарапывал на коре.

– Ты обещал рассказать, что ты там пишешь, – сказала Мирия.

– Это дневник, – не сразу ответил Брахур. – Я описываю жизнь на острове. Виды растений и животных. Например, какие птицы здесь водятся. Много чего… – Он почесал лоб. – Повадки сектантов, конечно. Воспоминания из прошлой жизни.

– Зачем тебе это? – спросила с любопытством она.

– Это исследование. Мне нужно во всем разобраться. Не просто же так мы сюда попали.

– Возможно, мы умерли, – прошептала женщина. В ее голосе чувствовался страх. – И Бог отправил нас сюда, чтобы мы искупили свои ошибки.

Брахур фыркнул.

– Я люблю наблюдать за небом, – продолжала Мирия. – Это меня успокаивает. С детства люблю. Вот только за эти дни я не видела ни одного самолета, ни одной белой полосы в небе.

– Я давно это заметил, – сухо сказал Брахур. – Смотри. Здесь я записываю музыкальные произведения, которые мне удалось распознать.

Он показал женщине полуметровую полоску, густо покрытую закорючками.

– Ты разбираешься в музыке? – спросила Мирия.

– Немного.

– Внушительный список, – заметила она.

– Почти двадцать композиторов, – гордо сказал он. – Хотя многое, конечно, я не знаю.

Мирия улыбнулась и вернула полоску.

Она коснулась его руки, и он сразу понял, что у нее жар.

– Пообещай мне, – сказал Брахур, – что прямо сейчас допьешь эту воду в горшке. Нужно пить еще больше.

– Обещаю.

Брахур опять думал: сплю я или бодрствую? И в который раз не смог ответить на этот простой вопрос.

Отлежавшись, Нейт решил сходить на разведку и посмотреть, что происходит на пляже.

Продираясь сквозь жесткие стебли папоротников, он наткнулся на подобие зеленого туннеля, который вел к берегу. На пляже все сверкало и захлебывалось солнцем. С бешеным, иронически веселым вызовом звучала музыка. Вдали около десятка человек стояли на коленях и, глядя на гладкую поверхность океана, молились. Еще несколько в каком-то отупении бродили вдоль кромки воды.

На обратном пути он заметил в кустах тело, облепленное мухами. Лицо тучного мужчины, на котором застыла гримаса ужаса, было вымазано черной засохшей кровью и песком. Нейт подошел к трупу, присел на корточки и внимательно рассмотрел его.

От таких потрясений могли пострадать последние остатки его разума, исчезнуть здравый смысл, уступив место паранойе.

Нейт размышлял над самым простым объяснением происходящего: возможно, он тоже сошел с ума. С другой стороны, он был твердо уверен, что, несмотря на сюрреализм ситуации, это не так. Его окружала яркая действительность – реальность, не вызывающая сомнений. Влажные запахи острова, терпкий вкус фруктов, пляшущие по воде блики солнца, наконец, люди. Живые люди.

Он вдруг подумал: «А что, если против него составлен заговор, чтобы подтолкнуть его к сумасшествию или, того хуже, к самоубийству. Нет, это точно выглядит нелепо».

Сифинь спала.

Он с ужасом понял, что, раздираемый любопытством, оставил ее совсем одну. Она свернулась в позе эмбриона и тихо сопела. Чумазое личико. Волосы свалялись в колтуны. Его зато-

пила жалость к девочке. Она больше не жаловалась на отсутствие мыла и, казалось, начала привыкать к этому проклятому месту.

Он поцеловал ее плечо, лег рядом на мягкие, душистые ветви папоротника и погрузился в тревожный сон.

Брахур выглядел обеспокоенным, когда вернулся в логово под сосной. Он пришел под вечер, когда спряталось за океан солнце и остров окутала тьма. Они с Нейтом сидели неподалеку от входа и разговаривали, глядя на тлеющие угли.

– Чтобы здесь выжить, – сказал Брахур, – нужно уметь притворяться.

– Ясно.

– Где девочка?

– Спит.

Нейт, встав, заглянул внутрь логова, вздохнул и вернулся к костру. Девочка спала, как сурок, – настолько она устала и измучилась.

– Если послушать старика, – продолжал Брахур, – так это «благословенное божество» избрало нас и перенесло сюда.

– Откуда вообще он взялся?

– Порой мне кажется, это сон, – хмыкнул Брахур. – Кошмар с добавкой религиозности.

– А ты верил в Бога? – неожиданно спросил Нейт. – До острова.

Не вполне понимая причину, он проникся особым доверием к Брахуру.

– Нет, не верил.

– Совсем? Или допускал возможность?

Парень немного подумал и ответил:

– Когда мне было лет семь, отец водил меня в церковь. Мы зажигали свечи и молились. Повзрослев, я стал агностиком.

Они помолчали.

– Сегодня я видел на пляже старика, – сказал Нейт. – И знаешь… кажется, они боятся его и даже любят.

– Обезвоживание часто приводит к помрачению сознания.

– Ты о случае с водой? – уточнил Нейт.

– Да, это был умный ход, – рассуждал Брахур. – Все были подавлены и мало понимали, что происходит.

– Как он нашел ручей?

– Похоже, он знал, где выходят подземные воды. Или бродил рядом и случайно наткнулся.

– А что говорит сам старик?

– Мол, его породил океан, – продолжал парень. – Что он и есть – плоть океана. А я говорю, что его породили наши ложные надежды… Когда он открыл ручей, многие смотрели на него как на спасителя. С трепетом, понимаешь? Я даже видел, как некоторые поклонились ему. А потом из толпы вышел коренастый и спросил, как отсюда выбраться. Все тогда умолкли. И старик сказал: «Преклоните колено»… Я подумал, что его разорвут на части. Но никто даже не посмел к нему приблизиться. Будто невидимая стена окружала его.

– Дикари, – покачал головой Нейт.

Он не нашел ответа лучше.

– Старику удалось убедить их только потому, что они были смятены и легко внушаемы. Остальное – выдумки. Психология толпы. Объяснения чудес – лишь попытка встроить логический каркас в картину мира. Либо все рушится, либо ты, стараясь все сохранить, хватаешься за любые объяснения, какими бы они ни были слабыми.

– Пожалуй, так оно и есть, – согласился Нейт.

Ночью ему снилось, как где-то кричала женщина:

– Нет! Не трогайте меня! Нет…

Раздались звуки борьбы.

– Помо…

Он проснулся.

Это началось несколько дней назад, когда Сифинь рывком села на постели и долго вглядывалась в темноту.

– Кто это, Нейт?

– Тише, дитя, тебя никто не тронет.

Она задрожала и начала скулить, как маленькое животное.

– Я не дам тебя в обиду, – сказал он.

Нейт долго ее успокаивал. Пока наконец не наступила тишина, а в ней – едва различимые голоса мужчин, которые обсуждали, кто же будет первый в очереди.

С тех пор кошмары ему снились каждую ночь. «Возможно, я все-таки потерял рассудок, – пришел он к неутешительному выводу. – Ведь это объясняет и остров, и секту, и эту невыносимую музыку из океана».

Он напряженно слушал. Мышь тащила что-то в нору. Трещали цикады. Вспорхнула птица. Горький запах прибоя. Тьма. Ему казалось, что рядом за деревьями прячутся люди – много людей, – которые выгадывают момент, чтобы схватить их, утащить в заросли и убить.

Когда Брахур заглянул в шалаш, он увидел, что Мирия лежит на боку и тихонько стонет.

– У тебя опять жар, – он потрогал ее лоб и покачал головой. – Я… я не знаю, чем его сбить… я не знаю… прости.

– Пройдет.

Ее тело было округлившимся, распухшим, будто накачанным водой. Руки и ноги подергивались.

– Нужно плыть, – решительно сказал Брахур. – Я что-нибудь придумаю. У сектантов есть лодка – они ловят на ней рыбу.

Он прокашлялся и добавил:

– Я не могу тебя оставить.

– Я тяжелая, как корова, – печально улыбнулась женщина. – Потоплю лодку.

Брахур молчал.

Наконец спросил:

– Опять болят почки?

– Да, – ответила Мирия.

Брахур коснулся поясницы женщины – она мучительно застонала.

Он быстро отпрянул и замер.

Женщина тяжело дышала, и по ее лицу катились бусины пота.

Он вздохнул и сел рядом.

«Проклятый старик! – мелькнула злобная мысль. – Это все из-за него».

– Если я поплыву, то привезу тебе лекарства, – сказал он. – Обещаю. Я привезу их. Антибиотики, спазмолитики… Я приведу за собой помощь. Тебя вылечат. Обещаю.

VI

Сектанты. Отвратительное чувство, когда ты живешь в их окружении. Чувство, что ты чужак. Живой среди мертвых.

Проходили однообразные дни, сплетенные из жары, дождей и музыки, которую Нейт успел возненавидеть.

Ему казалось, что он плавает в густом тумане, но вместе с тем он никогда не терял бдительности. С сектантами стычек почти не случалось. Как выяснилось, было не так сложно затеряться среди них. Если не считать редких вопросов, на которые его научил отвечать Брахур, они не обращали на него особого внимания.

– Просто говори, что идешь молиться.

Это работало и подозрений обычно не вызывало. Сектанты рассеянно кивали и брели по своим делам.

– Мимикрия, – говорил Брахур. – Искусство обманывать, чтобы выжить.

– Что такое «мимикрия»? – спросила Сифинь.

– Когда ты умеешь притворяться, – улыбнулся парень. – Например, зеленые кузнечики умеют прятаться в траве, а заяц зимой меняет шерстку на белую, как снег.

– Здорово, – сказала девочка.

– Мы тоже будем чуточку притворяться, – добавил Нейт.

– А как?

За дни, проведенные на острове, она загорела, ее кожа стала золотистой. Большие голубые глаза с любовью смотрели на Нейта.

– Я покажу тебе, – сказал он.

Сифинь ходила за ним по пятам, и Нейт был уверен, что сектанты считают ее его дочерью. Кажется, она научилась ему доверять. Это льстило ему, хоть он и понимал: если его раскусят, они оба окажутся в смертельной опасности.

Чтобы не выделяться, иногда они спускались к океану и притворялись, что молятся волнам. Они садились на пятки, делали серьезные лица и кланялись, беззвучно шевеля губами. Вместо молитвы Нейт частенько напевал какую-нибудь песню. Сифинь – что-то бормотала о Клер. Бывало, Нейт и приходил один.

Поначалу ей было страшно сидеть на пляже в окружении сектантов, но Нейт предложил девочке относиться к этому как к игре, и вскоре «молитвы» вошли у них в привычку. Возвращаясь в укрытие, они часто смеялись над собой.

«Просто невероятно! – иногда думал он. – Я живу в секте, и у меня есть дочь!»

Случалось, он видел на берегу собравшуюся вокруг старика толпу. Они с Сифинь благоразумно обходили стороной эти сборища. Однако ему всегда было любопытно наблюдать, как сектанты преклоняются перед своим пророком.

Нейт с ужасом смотрел на его повелительно простертые руки, сверкающие глаза и высохшее тело, покрытое белой накидкой. Видимо, они сшили ее из своей одежды. Старик вызывал у Нейта то неприятное чувство, которое ощущаешь, когда тебе выбивают почву из-под ног. Нейт подавленно отводил глаза и говорил Сифинь, что нужно поторопиться.

Терзавший его вопрос о том, как он попал сюда, оставаясь без ответа, постепенно трансформировался в другой – как отсюда выбраться. Мучительное копание в воспоминаниях надоело ему, он понял, что устал рыться в памяти. Это всегда оканчивалось ничем.

Однажды они с Сифинь пришли на берег и сели в отдалении от кромки воды, за спиной у большинства молящихся. Вскоре появились и другие. Куда ни глянь, по пляжу маячили фигуры сектантов. Они стягивались к берегу, точно муравьи к куску сладкой дыни.

Их лица напоминали гротескные маски, движения выглядели плавными и неторопливыми. Нейт насчитал в поселении полторы сотни мужчин, почти столько же женщин и девять детей. Он привык смотреть на них, определяя степень фанатичности – достаточно было заглянуть человеку в глаза или послушать его речь, чтобы оценить, насколько тот любит и предан Маркусу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.